

КНИГА ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ¹

Без малого два с половиной столетия прошло с тех пор, как Европа впервые познакомилась с арабскими сказками «Тысячи и одной ночи» в вольном и далеко не полном французском переводе Галлана, но и теперь они пользуются неизменной любовью читателей. Течение времени не отразилось на популярности повестей Шахразады; наряду с бесчисленными перепечатками и вторичными переводами с издания Галлана вплоть до наших дней вновь и вновь появляются публикации «Ночей» на многих языках мира в переводе прямо с оригинала. Велико было влияние «Тысячи и одной ночи» на творчество различных писателей — Монтескье, Виланда, Гауфа, Теннисона, Диккенса. Восхищался арабскими сказками и Пушкин. Впервые познакомившись с некоторыми из них в вольном переложении Сенковского, он заинтересовался ими настолько, что приобрел одно из изданий перевода Галлана, которое сохранилось в его библиотеке.

Трудно сказать, что больше привлекает в сказках «Тысячи и одной ночи» — занимательность сюжета, причудливое сплетение фантастического и реального, яркие картины городской жизни средневекового арабского Востока, увлекательные описания удивительных стран или живость и глубина переживаний героев сказок, психологическая оправданность ситуаций, ясная, определенная мораль. Великолепен язык многих повестей — живой, образный, сочный, чуждый обиняков и недомолвок. Речь героев лучших сказок «Ночей» ярко индивидуальна, у каждого из них свой стиль и лексика, характерные для той социальной среды, из которой они вышли.

Что же такое «Книга тысячи и одной ночи», как и когда она создавалась, где родились сказки Шахразады?

«Тысяча и одна ночь» не есть произведение отдельного автора или составителя — коллективным творцом является весь арабский народ. В том виде, в каком мы ее теперь знаем, «Тысяча и одна ночь» — собрание сказок на арабском языке, объединенных обрамляющим рассказом о жестоком царе Шахрияре, который каждый вечер брал себе

¹ Впервые было опубликовано как послесловие в восьмитомном издании «Тысячи и одной ночи» 1958–1959 гг. — *Ред.*

новую жену и наутро убивал ее. История возникновения «Тысячи и одной ночи» до сих пор далеко не выяснена; истоки ее теряются в глубине веков.

Первые письменные сведения об арабском собрании сказок, обрамленных повестью о Шахрияре и Шахразаде и называвшемся «Тысяча ночей» или «Тысяча одна ночь», мы находим в сочинениях багдадских писателей X века — историка аль-Масуди и библиографа ан-Надима, которые говорят о нем как о давно и хорошо известном произведении. Уже в те времена сведения о происхождении этой книги были довольно смутны и ее считали переводом персидского собрания сказок «Хезар-Эфсане» («Тысяча повестей»), будто бы составленного для Хумай, дочери иранского царя Ардешира (IV век до н. э.). Содержание и характер арабского сборника, о котором упоминают Масуди и ан-Надим, нам неизвестны, так как он не дошел до наших дней.

Свидетельство названных писателей о существовании в их время арабской книги сказок «Тысячи и одной ночи» подтверждается наличием отрывка из этой книги, относящегося к IX веку. В дальнейшем литературная эволюция сборника продолжалась вплоть до XIV–XV веков. В удобную рамку сборника вкладывались все новые и новые сказки разных жанров и разного социального происхождения. О процессе создания таких сказочных сводов мы можем судить по сообщению того же ан-Надима, который рассказывает, что старший его современник, некий Абд-Аллах аль-Джахшьяри — личность, кстати сказать, вполне реальная — задумал составить книгу из тысячи сказок «арабов, персов, греков и других народов», по одной на ночь, объемом каждая листов в пятьдесят, но умер, успев набрать только четырехста восемьдесят повестей. Материал он брал главным образом от профессионалов-сказочников, которых сзывал со всех концов халифата, а также из письменных источников.

Сборник аль-Джахшьяри до нас не дошел, не сохранились также и другие сказочные своды, называвшиеся «Тысяча и одна ночь», о которых скупо упоминают средневековые арабские писатели. По составу эти собрания сказок, по-видимому, отличались друг от друга, общим у них было лишь заглавие и сказка-рамка.

В ходе создания таких сборников можно наметить несколько последовательных этапов.

Первыми поставщиками материала для них были профессиональные народные сказители, рассказы которых первоначально записывались под диктовку с почти стенографической точностью, без всякой литературной обработки. Большое количество таких рассказов на арабском языке, записанных еврейскими буквами, хранится в Государственной Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ле-

нинграде; древнейшие списки относятся к XI–XII векам. В дальнейшем эти записи поступали к книготорговцам, которые подвергали текст сказки некоторой литературной обработке. Каждая сказка рассматривалась на этой стадии не как составная часть сборника, а в качестве совершенно самостоятельного произведения; поэтому в дошедших до нас первоначальных вариантах сказок, включенных впоследствии в «Книгу тысячи и одной ночи», разделение на ночи еще отсутствует. Разбивка текста сказок происходила на последнем этапе их обработки, когда они попадали в руки компилятора, составлявшего очередной сборник «Тысячи и одной ночи». При отсутствии материала на нужное количество «ночей» составитель пополнял его из письменных источников, заимствуя оттуда не только мелкие рассказы и анекдоты, но и длинные рыцарские романы.

Последним таким компилятором был и тот неизвестный по имени ученый шейх, который составил в XVIII веке в Египте наиболее позднее по времени собрание сказок «Тысячи и одной ночи». Самую значительную литературную обработку получили сказки также в Египте, двумя или тремя столетиями раньше. Эта редакция XIV–XVI веков «Книги тысяча и одной ночи», обычно называемая «египетской», — единственная, сохранившаяся до наших дней, — представлена в большинстве печатных изданий, а также почти во всех известных нам рукописях «Ночей» и служит конкретным материалом для изучения сказок Шахразеды.

От предшествующих, возможно, более ранних сводов «Книги тысячи и одной ночи» сохранились лишь одиночные сказки, не входящие в «египетскую» редакцию и представленные в немногих рукописях отдельных томов «Ночей» или существующие в виде самостоятельных рассказов, имеющих, однако, разделение на ночи. К числу таких рассказов относятся наиболее популярные у европейских читателей сказки: «Аладдин и волшебная лампа», «Али-Баба и сорок разбойников» и некоторые другие; арабский оригинал этих сказок имелся в распоряжении первого переводчика «Тысячи и одной ночи» Галлана, по переводу которого они и стали известны в Европе.

При исследовании «Тысячи и одной ночи» каждую сказку надлежит рассматривать особо, так как органической связи между ними нет и они до включения в сборник долгое время существовали самостоятельно. Попытки объединить некоторые из них в группы по месту их предполагаемого происхождения — из Индии, Ирана или Багдада — недостаточно обоснованы. Сюжеты рассказов Шахразеды сложились из отдельных элементов, которые могли проникнуть на арабскую почву из Ирана или Индии независимо один от другого; на своей новой родине они обросли чисто туземными наслоениями и издревле стали достоянием арабского фольклора. Так, например,

случилось с обрамляющей сказкой: придя к арабам из Индии через Иран, она утратила в устах сказочников многие первоначальные черты.

Более целесообразным, нежели попытку группировать, скажем, по географическому принципу, следует считать принцип объединения их, хотя бы условно, в группы по времени создания или же по принадлежности к социальной среде, где они бытовали. К древнейшим, самым устойчивым сказкам сборника, возможно существовавшим в той или иной форме уже в первых редакциях в IX–X веках, можно отнести те рассказы, в которых сильнее всего проявляется элемент фантастики и действуют сверхъестественные существа, активно вмешивающиеся в дела людей. Таковы сказки «О рыбаке и духе», «О коне из черного дерева» и ряд других. За свою долгую литературную жизнь они, по-видимому, многократно подвергались литературной обработке; об этом свидетельствует и их язык, претендующий на известную изысканность, и обилие поэтических отрывков, несомненно вкрапленных в текст редакторами или переписчиками.

Более позднего происхождения группа сказок, отражающих жизнь и быт средневекового арабского торгового города. Как это видно из некоторых топографических подробностей, действие в них разыгрывается главным образом в столице Египта — Каире. В основе этих новелл лежит обычно какая-нибудь трогательная любовная история, осложненная различными приключениями; действующие в ней лица принадлежат, как правило, к торговой и ремесленной знати. По стилю и языку сказки этого рода несколько проще фантастических, но и в них много стихотворных цитат преимущественно эротического содержания. Интересно, что в городских новеллах наиболее яркой и сильной личностью зачастую является женщина, смело ломающая преграды, которые ставит ей гаремная жизнь. Мужчина же, обесиленный развратом и праздностью, неизменно выведен простаком и обречен на вторые роли.

Другая характерная черта этой группы сказок — резко выраженный антагонизм между горожанами и кочевниками-бедуинами, которые обычно являются в «Книге тысячи и одной ночи» предметом самых едких насмешек.

К лучшим образцам городских новелл принадлежат «Повесть о любящем и любимом», «Рассказ о трех яблоках» (включающий и «Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате»), «Сказка о Камар-аз-Замане и жене ювелира», а также большинство рассказов, объединяемых «Сказкой о горбуне».

Наконец, наиболее поздними по времени создания являются сказки плутовского жанра, по-видимому включенные в сборник в Египте, при его последней обработке. Рассказы эти тоже сложились в город-

ской среде, но отражают уже жизнь мелких ремесленников, поденных рабочих и бедняков, перебивающихся случайными заработками. В этих сказках с наибольшей яркостью отразился протест угнетенных слоев населения средневекового восточного города. В каких курьезных формах выражался подчас этот протест видно, например, из «Рассказа о Ганиме ибн Айюбе» (см. наст. изд., с. 353), где раб, которого его господин хочет отпустить на волю, доказывает, ссылаясь на книги законоведов, что тот не имеет права это сделать, так как не научил своего раба никакому ремеслу и освобождением обрекает последнего на голодную смерть.

Для плутовских сказок характерна едкая ирония изображения представителей светской власти и духовенства в самом неприглядном виде. Сюжетом многих таких повестей является сложное мошенничество, имеющее целью не столько ограбить, сколько одурачить какого-нибудь простака. Блестящие образцы плутовских рассказов — «Повесть о Далиле-хитреце и Али-Зей-баке каирском», изобилующая самыми невероятными приключениями, «Сказка об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате», «Сказка о Маруфе-башмачнике».

Рассказы этого типа попали в сборник непосредственно из уст сказителей и подверглись лишь незначительной литературной обработке. На это указывает прежде всего их язык, не чуждый диалектизмов и разговорных оборотов речи, насыщенность текста диалогами, живыми и динамичными, как будто прямо подслушанными на городской площади, а также полное отсутствие любовных стихов — слушатели таких сказок, видно, не были охотниками до сентиментальных поэтических излияний. Как по содержанию, так и по форме плутовские рассказы представляют одну из ценнейших частей собрания.

Кроме сказок упомянутых трех категорий, в «Книгу тысячи и одной ночи» входит ряд крупных произведений и значительное количество небольших по объему анекдотов, несомненно заимствованных составителями из различных литературных источников. Таковы огромные рыцарские романы: «Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане», «Рассказ об Аджибе и Гарибе», «Рассказ о царевиче и семи везирях», «Сказка о Синдбаде-мореходе» и некоторые другие. Таким же путем попали туда назидательные притчи и повести, проникнутые идеей о бренности земной жизни («Повесть о медном городе»), назидательные рассказы-вопросники типа «Зерцал» (рассказ о мудрой девушке Таваддуд), анекдоты о знаменитых мусульманских мистиках-суфиях и т. п. Мелкие повестушки, как уже упомянуто, по-видимому, были добавлены составителями, чтобы заполнить нужное количество ночей.

Сказки той или иной группы, родившись в определенной социальной среде, естественно, имели в данной среде наибольшее распространение. В этом прекрасно отдавали себе отчет и сами компилято-

ры, и редакторы сборника, о чем свидетельствует такая пометка, переписанная в одну из поздних рукописей «Ночей» с более древнего оригинала: «Рассказчику надлежит рассказывать в соответствии с тем, кто его слушает. Если это простолюдины, пусть он передает повести из „Тысячи и одной ночи“ о простых людях — это повести в начале книги (имеются, очевидно, в виду сказки плутовского жанра. — М. С.), а буде эти люди относятся к правителям, то надлежит рассказывать им повести о царях и сражениях между витязями, а эти повести — в конце книги».

Такое же указание мы находим и в самом тексте «Книги» — в «Сказке о Сейф-аль-Мулуке», попавшей в сборник, по-видимому, на довольно позднем этапе его эволюции. Там говорится, что некий сказочник, который один только знал эту сказку, уступая настойчивым просьбам, соглашается дать ее переписать, но ставит переписчику такое условие: «Не рассказывай этой сказки на перекрестке дорог или в присутствии женщин, рабов, рабынь, глупцов и детей. Читай ее у эмиров, царей, везирей и людей знания из толкователей Корана и других».

У себя на родине сказки Шахразады в разных социальных слоях издревле встречали разное отношение. Если в широких народных массах сказки всегда пользовались огромной популярностью, то представители мусульманской схоластической науки и духовенства, блюстители «чистоты» классического арабского языка, неизменно отзывались о них с нескрываемым презрением. Еще в X веке ан-Надим, говоря о «Тысяче и одной ночи», пренебрежительно замечал, что она написана «жидко и нудно». Тысячу лет спустя у него тоже нашлись последователи, которые объявляли этот сборник пустой и вредной книгой и пророчили ее читателям всевозможные беды. Иначе смотрят на сказки Шахразады представители передовой арабской интеллигенции. Признавая в полной мере большую художественную и историко-литературную ценность этого памятника, литературоведы Объединенной Арабской Республики и других арабских стран углубленно и всесторонне изучают его.

Отрицательное отношение к «Тысяче и одной ночи» реакционно настроенных арабских филологов XIX века печально отразилось на судьбе ее печатных изданий. Научного критического текста «Ночей» еще не существует; первое полное издание сборника, выпущенное в Булаке, под Каиром, в 1835 году и неоднократно перепечатанное впоследствии, воспроизводит так называемую «египетскую» редакцию. В булакском тексте язык сказок претерпел под пером анонимного «ученого»-богослова значительную обработку; редактор стремился приблизить текст к классическим нормам литературной речи. В несколько меньшей мере деятельность обработчика заметна в калькуттском

издании, опубликованном английским ученым Макнатеном в 1839–1842 годах, хотя и там тоже представлена египетская редакция «Ночей».

Булакское и калькуттское издания положены в основу существующих переводов «Книги тысячи и одной ночи». Исключение составляет лишь упомянутый выше неполный французский перевод Галлана, осуществленный в XVIII веке по рукописным источникам. Как мы уже говорили, перевод Галлана послужил оригиналом для многочисленных переводов на другие языки и более ста лет оставался единственным источником знакомства с арабскими сказками «Тысячи и одной ночи» в Европе.

Среди других переводов «Книги» на европейские языки следует упомянуть английский перевод части сборника, выполненный непосредственно с арабского оригинала известным знатоком языка и этнографии средневекового Египта — Вильямом Лэном. Перевод Лэна, несмотря на его неполноту, можно считать лучшим из существующих английских переводов по точности и добросовестности, хотя язык его несколько труден и высокопарен.

Другой английский перевод, выполненный в конце 80-х годов прошлого века известным путешественником и этнографом Ричардом Бертоном, преследовал совершенно определенные, далекие от науки цели. В своем переводе Бертон всячески подчеркивает все сколько-нибудь непристойные места оригинала, выбирая самое резкое слово, наиболее грубый вариант, придумывая и в области языка необычайные сочетания слов архаических и ультрасовременных.

Наиболее ярко отразились тенденции Бертона в его примечаниях. Наряду с ценными наблюдениями из быта ближневосточных народов они содержат огромное количество «антропологических» комментариев, многословно растолковывающих всякий попадающийся в сборнике непристойный намек. Нагромождая грязные анекдоты и подробности, характерные для современных ему нравов пресыщенных и скупающих от безделья европейских резидентов в арабских странах, Бертон стремится оклеветать весь арабский народ и пользуется этим для защиты пропагандируемой им политики хлыста и винтовки.

Тенденция подчеркнуть все мало-мальски фривольные черты арабского подлинника характерна и для французского шестнадцатитомного перевода «Книги тысячи и одной ночи», законченного в первые годы XX века Ж. Мардрюсом.

Из немецких переводов «Книги» новейшим и лучшим является шеститомный перевод известного семитолога Э. Лигтмана, впервые изданный в конце 1920-х годов.

История изучения переводов «Книги тысячи и одной ночи» в России может быть изложена очень кратко.

До Великой Октябрьской революции русских переводов непосредственно с арабского не было, хотя переводы с Галлана начали

появляться уже в 60-х годах XVIII века. Лучший из них — перевод Ю. Доппельмайер, вышедший в конце XIX века. Несколько позже был напечатан перевод Л. Шелгуновой, выполненный с сокращениями с английского издания Лэна, а лет через шесть после этого появился анонимный перевод с издания Мардрюса — самый полный из существовавших тогда сборников «Тысячи и одной ночи» на русском языке.

В 1929–1938 годах был опубликован восьмитомный русский перевод «Книги тысячи и одной ночи» непосредственно с арабского, сделанный М. Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

Переводчик и редактор стремились по мере сил сохранить в переводе близость к арабскому оригиналу как в отношении содержания, так и по стилю. Лишь в тех случаях, когда точная передача подлинника была несовместима с нормами русской литературной речи, от этого принципа приходилось отступать. Так при переводе стихов невозможно сохранить обязательную по правилам арабского стихосложения рифму, которая должна быть единой во всем стихотворении, передать лишь внешняя структура стиха и ритм.

Предназначая эти сказки исключительно для взрослых, переводчик остался верен стремлению показать русскому читателю «Книгу тысячи и одной ночи» такой, как она есть, и при передаче непристойных мест оригинала. В арабских сказках, как и в фольклоре других народов, вещи наивно называются своими именами, и в большинство скабрзных, с нашей точки зрения, подробностей не вкладывается порнографического смысла, все эти подробности носят характер скорее грубой шутки, чем нарочитой непристойности.

В настоящем издании отредактированный И. Ю. Крачковским перевод печатается без значительных изменений, с сохранением основной установки на максимально возможную близость к оригиналу¹. Язык перевода несколько облегчен — смягчены излишние буквализмы, кое-где расшифрованы не сразу понятные идиоматические выражения.

М. А. Салье

¹ В издании 1958–1959 гг. был сделан ряд цензурных пропусков, которые в нынешнем издании восстановлены по тексту, опубликованному в 1929–1938 гг.

КНИГА
ТЫСЯЧИ
И ОДНОЙ
НОЧИ

РАССКАЗ О ЦАРЕ ШАХРИЯРЕ И ЕГО БРАТЕ

лава Аллаху, Господу миров! Привет и благословение господину посланных, господину и владыке нашему Мухаммеду! Аллах да благословит его и да приветствует благословением и приветом вечным, ддящимся до Судного дня!

А после того: поистине, сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался и чтобы, вникая в предания о минувших народах и о том, что случилось с ними, воздерживался он от греха. Хвала же тому, кто сделал сказания о древних уроком для народов последующих!

К таким сказаниям относятся и рассказы, называемые «Тысяча и одна ночь», и возвышенные повести и притчи, заключающиеся в них.

Повествуют в преданиях народов о том, что было, прошло и давно минуло (а Аллах более сведущ в неведомом, и премудр, и преславен, и более всех щедр, и преблагосклонен, и милостив), что в древние времена и минувшие века и столетия был на островах Индии и Китая царь из царей рода Сасана¹, повелитель войск, стражи, че-

¹ Потомки полумифического царя Сасана, или Сасаниды, правили Персией в III–VII вв. Причисление к ним царя Шахрияра — поэтический анахронизм, каких немало в «1001 ночи». — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

ляди и слуг. И было у него два сына — один взрослый, другой юный, и оба были витязи-храбрецы, но старший превосходил младшего доблестью. И он воцарился в своей стране и справедливо управлял подданными, и жители его земель и царства полюбили его, и было имя ему царь Шахрияр; а младшего его брата звали царь Шахземан, и он царствовал в Самарканде персидском. Оба они пребывали в своих землях, и каждый у себя в царстве был справедливым судьей своих подданных в течение двадцати лет и жил в полнейшем довольстве и радости. Так продолжалось до тех пор, пока старший царь не пожелал видеть своего младшего брата и не повелел своему везирю¹ поехать и привезти его. Везир исполнил его приказание и отправился, и ехал до тех пор, пока благополучно не прибыл в Самарканд. Он вошел к Шахземану, передал ему привет и сообщил, что брат его по нем стосковался и желает, чтобы он его посетил; и Шахземан отвечал согласием и снарядился в путь. Он велел вынести свои шатры, снарядить верблюдов, мулов, слуг и телохранителей и поставил своего везиря правителем в стране, а сам направился в земли своего брата. Но когда настала полночь, он вспомнил об одной вещи, которую забыл во дворце, и вернулся и, войдя во дворец, увидел, что жена его лежит в постели, обнявшись с черным рабом из числа его рабов.

И когда Шахземан увидел такое, все почернело перед глазами его, и он сказал себе: «Если это случилось, когда я еще не оставил города, то каково же будет поведение этой проклятой, если я надолго отлучусь к брату!» И он вытащил меч и ударил обоих и убил их в постели, а потом, в тот же час и минуту, вернулся и приказал отъезжать — и ехал, пока не достиг города своего брата. А приблизившись к городу, он послал к брату гонцов с вестью о своем прибытии, и Шахрияр вышел к нему навстречу и приветствовал его, до крайности обрадованный. Он украсил в честь брата город и сидел с ним, разговаривая и веселясь, но царь Шахземан вспомнил, что было с его женой, и почувствовал великую грусть, и лицо его стало желтым, а тело ослабло. И когда брат увидел его в таком состоянии, он подумал, что причиной тому разлука со страной и царством, и оставил его так, не расспрашивая ни о чем. Но потом, в какой-то день, он сказал ему: «О брат мой, я вижу, что твое тело ослабло и лицо твое пожелтело». А Шахземан отвечал ему: «Брат мой, внутри меня язва» — и не рассказал, что испытал от жены. «Я хочу, — сказал тогда Шахрияр, — чтобы ты поехал со мной на охоту и ловлю: может быть,

¹ *Везирь* — первый министр в арабском халифате.

твое сердце развеселится». Но Шахземан отказался от этого, и брат поехал на охоту один.

В царском дворце были окна, выходящие в сад, и Шахземан посмотрел и вдруг видит: двери дворца открываются и оттуда выходят двадцать невольниц и двадцать рабов, а жена его брата идет среди них, выделяясь редкостной красотой и прелестью. Они подошли к фонтану, и сняли одежды, и сели вместе с рабами, и вдруг жена царя крикнула: «О Масуд!» И черный раб подошел к ней и обнял ее, и она его также. Он лег с нею, и другие рабы сделали то же, и они целовались и обнимались, ласкались и забавлялись, пока день не повернул на закат. И когда брат царя увидел это, он сказал себе: «Клянусь Аллахом, моя беда легче, чем это бедствие!» — и его ревность и грусть рассеялись. «Это больше того, что случилось со мною!» — воскликнул он и перестал отказываться от питья и пищи. А потом брат его возвратился с охоты, и они приветствовали друг друга, и царь Шахрияр посмотрел на своего брата, царя Шахземана, и увидел, что прежние краски вернулись к нему и лицо его зарумянилось и что ест он не переводя духа, хотя раньше ел мало. Тогда брат его, старший царь, сказал Шахземану: «О брат мой, я видел тебя с пожелтевшим лицом, а теперь румянец к тебе возвратился. Расскажи же мне, что с тобою». — «Что до перемены моего вида, то о ней я тебе расскажу, но избавь меня от рассказа о том, почему ко мне вернулся румянец», — отвечал Шахземан. И Шахрияр сказал: «Расскажи сначала, отчего ты изменился видом и ослаб, а я послушаю».

«Знай, о брат мой, — заговорил Шахземан, — что, когда ты прислал ко мне везиря с требованием явиться к тебе, я снарядился и уже вышел за город, но потом вспомнил, что во дворце осталась жемчужина, которую я хотел тебе дать. Я возвратился во дворец и нашел мою жену с черным рабом, спавшим в моей постели, и убил их и приехал к тебе, размышляя об этом. Вот причина перемены моего вида и моей слабости; что же до того, как ко мне вернулся румянец, — позволь мне не говорить тебе об этом».

Но, услышав слова своего брата, Шахрияр воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, почему возвратился к тебе румянец!» И Шахземан рассказал ему обо всем, что видел. Тогда Шахрияр сказал брату своему Шахземану: «Хочу увидеть это своими глазами!» И Шахземан посоветовал: «Сделай вид, что едешь на охоту и ловлю, а сам спрячься у меня, тогда увидишь это и убедишься воочию».

Царь тотчас же велел кликнуть клич о выезде, и войска с палатками выступили за город, и царь тоже вышел; но потом он сел в палатке и сказал своим слугам: «Пусть не входит ко мне никто!» После

этого он изменил обличье и украдкой прошел во дворец, где был его брат, и посидел некоторое время у окошка, которое выходило в сад, — и вдруг невольницы и их госпожа вошли туда вместе с рабами и поступали так, как рассказывал Шахзедман, до призыва к после-полуденной молитве. Когда царь Шахрияр увидел это, ум улетел у него из головы, и он сказал своему брату Шахзедману: «Вставай, уйдем тотчас же, не нужно нам царской власти, пока не увидим кого-нибудь, с кем случилось то же, что с нами! А иначе — смерть для нас лучше, чем жизнь!»

Они вышли через потайную дверь и странствовали дни и ночи, пока не подошли к дереву, росшему посреди лужайки, где протекал ручей возле соленого моря. Они напились из этого ручья и сели отдыхать. И когда прошел час дневного времени, море вдруг заволновалось и из него поднялся черный столб, возвысившийся до неба, и направился к их лужайке. Увидев это, оба брата испугались и взобрались на верхушку дерева (а оно было высокое) и стали ждать, что будет дальше. И вдруг видят: перед ними джинн¹ высокого роста, с большой головой и широкой грудью, а на голове у него сундук. Он вышел на сушу и подошел к дереву, на котором были братья, и, севши под ним, отпер сундук, и вынул из него ларец, и открыл его, и оттуда вышла молодая женщина с стройным станом, сияющая подобно светлому солнцу, как это сказал, и отлично сказал, поэт Атыйя:

Засияла во тьме она — день блистает.

И сверкают стволов верхи ее светом.

Она блещет, как много солнц на восходе.

Сняв покровы, смутит она звезды ночи.

Все творенья пред нею ниц упадают,

Коль, явившись, сорвет она с них покровы.

Если же в гневе сверкнет она жаром молний,

Льются слезы дождей тогда безудержно².

Джинн взглянул на эту женщину и сказал: «О владычица благородных, о ты, кою я похитил в ночь свадьбы, я хочу немного поспать!» — и он положил голову на колени женщины и заснул; она же подняла голову и увидела обоих царей, сидевших на дереве. Тогда она сняла голову джинна со своих колен и положила ее на землю

¹ Джинны, *ифриты* или *мариды* — в арабском фольклоре добрые или злые духи.

² Все поэтические отрывки переведены без сохранения единой рифмы, проходящей, согласно правилам арабского стихосложения, через все стихотворение. Приблизительно передан лишь размер или, вернее, ритм оригинала.

и, вставши под дерево, сказала братьям знаками: «Слезайте, не бойтесь ифрита». И они ответили ей: «Заклинаем тебя Аллахом, избавь нас от этого». Но женщина сказала: «Если не спуститесь, я разбужу ифрита и он умертвит вас злой смертью». И они испугались и спустились к женщине, а она легла перед ними и сказала: «Вонзите, да покрепче, или я разбужу ифрита». От страха царь Шахрияр сказал своему брату, царю Шахземану: «О брат мой, сделай то, что она велела тебе!» Но Шахземан ответил: «Не сделаю! Сделай ты раньше меня!» И они принялись знаками подзадоривать друг друга, но женщина воскликнула: «Что это? Я вижу, вы перемигиваетесь! Если вы не подойдете и не сделаете этого, я разбужу ифрита!» И из страха перед джинном оба брата исполнили приказание, а когда они кончили, она сказала: «Очнитесь!» — и, вынув из-за пазухи кошель, извлекла оттуда ожерелье из пятисот семидесяти перстней. «Знаете ли вы, что это за перстни?» — спросила она; и братья ответили: «Не знаем!» Тогда женщина сказала: «Владельцы всех этих перстней имели со мной дело на рогах этого ифрита. Дайте же мне и вы тоже по перстню». И братья дали женщине два перстня со своих рук, а она сказала: «Этот ифрит меня похитил в ночь моей свадьбы и положил меня в ларец, а ларец — в сундук. Он навесил на сундук семь блестящих замков и опустил меня на дно ревущего моря, где бьются волны, но не знал он, что если женщина чего-нибудь захочет, то ее не одолеет никто, как сказал один из поэтов:

Не будь доверчив ты к женщинам,
Не верь обетам и клятвам их;

Прощенье их, как и злоба их,
С одной лишь похотью связаны.

Любовь являют притворную,
Обман таится в одеждах их.

Учись на жизни Иосифа¹, —
И там найдешь ты обманы их.

Ведь знаешь ты: твой отец Адам
Из-за них уйти тоже должен был.

А другой сказал:

О несчастный, сильнее от брани любимый!
Мой проступок не столь велик, как ты хочешь.

¹ Намек на библейский рассказ об Иосифе Прекрасном, перешедший в мусульманскую повествовательную литературу.

Полюбивши, свершил я этим лишь то же,
Что и прежде мужи давно совершали.

Удивленья великого тот достоин,
Кто от женских остался чар невредимым...»

Услышав от нее такие слова, оба царя до крайности удивились и сказали один другому: «Вот ифрит, и с ним случилось худшее, чем с нами! Подобного не бывало еще ни с кем!»

И они тотчас ушли от нее и вернулись в город царя Шахрияра, и он вошел во дворец и отрубил голову своей жене, и рабам, и невольницам.

И царь Шахрияр еженощно стал брать невинную девушку и овладевал ею, а потом убивал ее, и так продолжалось в течение трех лет.

И люди возопили и бежали со своими дочерьми, и в городе не осталось ни одной девушки, пригодной для брачной жизни.

И вот потом царь приказал своему везирию привести ему, по обычаю, девушку, и везирь вышел и стал искать, но не нашел девушки и отправился в свое жилище, угнетенный и подавленный, боясь для себя зла от царя. А у царского везирия было две дочери: старшая — по имени Шахразада, и младшая — по имени Дуньязада. Старшая читала книги, летописи и жития древних царей и предания о минувших народах, и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам. И сказала она отцу: «Отчего это ты, я вижу, грустен и подавлен и обременен заботой и печальями? Ведь сказал же кто-то об этом:

Кто заботами подавлен,
Тем скажи: «Не вечно горе!»

Как кончается веселье,
Так проходят и заботы.»

И, услышав от своей дочери такие слова, везирь рассказал ей от начала до конца, что случилось у него с царем. И Шахразада воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка, выдай меня за этого царя, и тогда я либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их от царя». — «Заклинаю тебя Аллахом, — воскликнул везирь, — не подвергай себя такой опасности!» Но Шахразада сказала: «Это неизбежно должно быть!» И везирь молвил: «Я боюсь, что с тобою случится то же, что случилось у быка и осла с земледельцем». — «А что же было с ними?» — спросила Шахразада.

РАССКАЗ О БЫКЕ С ОСЛОМ

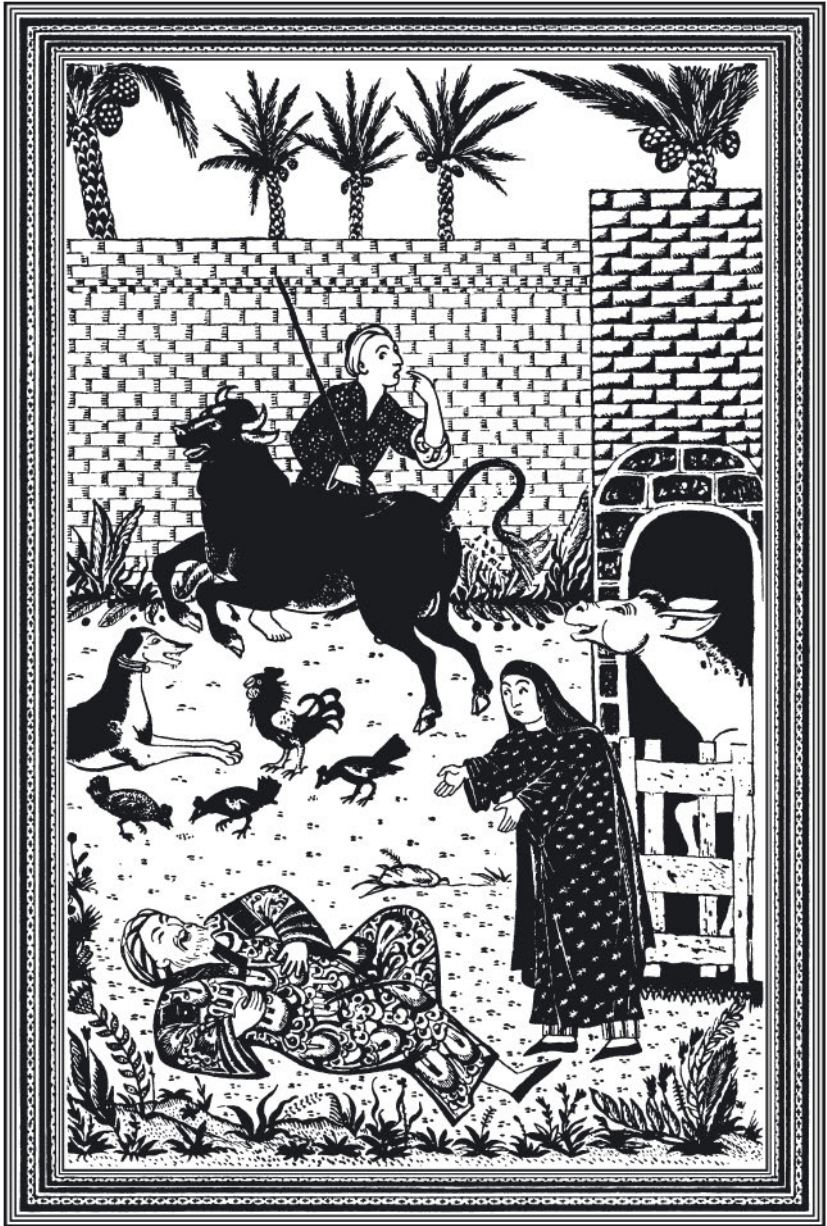
най, о дочь моя, — сказал везирь, — что один купец обладал богатством и стадами скота, и у него была жена и дети, и Аллах великий даровал ему знание языка и наречий животных и птиц. А жил этот купец в деревне, и у него, в его доме, были бык и осел. И однажды бык вошел в стойло осла и увидел, что оно подметено и побрызгано, а в кормушке у осла просеянный ячмень и просеянная солома, и сам он лежит и отдыхает, и только иногда хозяин ездит на нем, если случится какое-нибудь дело, и тотчас же возвращается. И в какой-то день купец услышал, как бык говорил ослу: «На здоровье тебе! Я устаю, а ты отдыхаешь и ешь ячмень просеянным, и за тобою ухаживают, и только иногда хозяин ездит на тебе и возвращается, а я должен вечно пахать и вертеть жернов». И осел отвечал: «Когда ты выйдешь в поле и тебе наденут на шею ярмо, ложись и не подымайся, даже если тебя будут бить, или встань и ложись опять. А когда тебя приведут назад и дадут тебе бобов, не ешь их, как будто ты больной, и не касайся пищи и питья день, два или три, — тогда отдохнешь от трудов и тягот». А купец слышал их разговор. И когда погонщик принес быку его вечерний корм, тот съел самую малость, и наутро погонщик, пришедший, чтобы отвести быка на пашню, нашел его больным, и опечалился, и сказал: «Вот почему бык не мог вчера работать!» А потом он пошел

к купцу и сказал ему: «О господин мой, бык не годен для работы: он не съел вчера вечером корм и ничего не взял в рот». А купец уже знал, в чем дело, и сказал: «Иди возьми осла и паши на нем вместо быка целый день».

Когда к концу дня осел вернулся, после того как весь день пахал, бык поблагодарил его за его милость, избавившую его на этот день от труда, но осел ничего ему не отвечал и сильно раскаивался. И на следующий день земледелец пришел и взял осла и пахал на нем до вечера, и осел вернулся с ободранной шеей, мертвый от усталости. И бык, оглядев осла, поблагодарил его и восхвалил, а осел воскликнул: «Я лежал развалившись, но болтливость мне повредила! Знай, — добавил он, — что я тебе искренний советчик; я услышал, как наш хозяин говорил: «Если бык не встанет с места, отдайте его мяснику, пусть он его зарежет и порежет его кожу на куски». И я боюсь за тебя и тебя предупреждаю. Вот и все!»

Бык, услышав слова осла, поблагодарил его и сказал: «Завтра я пойду с ними работать!» — и потом он съел весь свой корм и даже вылизал языком ясли. А хозяин слышал весь этот разговор. И когда настал день, купец и его жена вышли к коровнику и сели, и погонщик пришел, взял быка и вывел его; и при виде своего господина бык задрал хвост, пустил ветры и поскакал, а купец засмеялся так, что упал навзничь. «Чему ты смеешься?» — спросила его жена, и он отвечал: «Я видел и слышал тайну, но не могу ее открыть — я тогда умру». — «Ты непременно должен рассказать мне о ней и о причине твоего смеха, даже если умрешь!» — возразила его жена. Но купец ответил: «Я не могу открыть эту тайну, так как боюсь смерти». И она воскликнула: «Ты, наверное, смеешься надо мною!» — и до тех пор приставала и надоедала ему, пока он не покорился ей и не расстроился; и тогда он созвал своих детей и послал за судьей и свидетелями, желая составить завещание и потом открыть жене тайну и умереть, ибо он любил свою жену великой любовью, так как она была дочерью его дяди¹ и матерью его детей, а он уже прожил сто двадцать лет жизни. Затем купец велел созвать всех родственников и всех живших на его улице и рассказал им эту повесть, добавив, что, когда он скажет свою тайну, он умрет. И все, кто присутствовал, сказали его жене: «Заклинаем тебя Аллахом, брось это дело, чтобы не умер твой муж и отец твоих детей». Но она воскликнула: «Не отстану от

¹ Частое в арабских сказках обращение, отражающее древний обычай выдавать девушку замуж за двоюродного брата.

него, пока не скажет! Пусть его умирает!» И все замолчали. И тогда купец поднялся и пошел к стойлу, чтобы совершить омовение и, вернувшись, рассказать им и умереть. А у купца был петух и с ним пятьдесят кур, и еще у него была собака. И вот он услышал, как собака кричит и ругает петуха, говоря ему: «Ты радуешься, а наш хозяин собирается умирать». — «Как это?» — спросил петух; и пес повторил ему всю повесть, и тогда петух воскликнул: «Клянусь Аллахом, мало ума у нашего господина! У меня вот пятьдесят жен — то с одной помирюсь, то к другой подлажусь; а у хозяина одна жена, и он не знает, как с ней обращаться. Взять бы ему тутовых прутьев, пойти в чулан и бить жену, пока она не умрет или не закается впредь ни о чем его не спрашивать».

А торговец слышал слова петуха, обращенные к собаке, — рассказывал везирь своей дочери Шахразде, — и я сделаю с тобой то же, что он сделал со своей женой».

«А что он сделал?» — спросила Шахразда.

И везирь продолжал: «Наломав тутовых прутьев, он спрятал их в чулан и привел туда свою жену, говоря: «Подойди сюда, я тебе все скажу в чулане и умру, и никто на меня не будет смотреть». И она вошла с ним в чулан, и тогда купец запер дверь и принялся так бить свою жену, что она едва не лишилась чувств и закричала: «Я раскаиваюсь!» А потом она поцеловала мужу руки и ноги, и покаялась, и вышла вместе с ним, и ее родные и все собравшиеся обрадовались, и они продолжали жить приятнейшей жизнью до самой смерти».

И, услышав слова своего отца, дочь везиря сказала: «То, чего я хочу, неизбежно!»

И тогда везирь снарядил ее и отвел к царю Шахрияру. А Шахразда подучила свою младшую сестру и сказала ей: «Когда я приду к царю, я пошлю за тобой, а ты, когда придешь и увидишь, что царь удовлетворил свою нужду во мне, скажи: «О сестрица, поговори с нами и расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонную ночь», — и я расскажу тебе что-то, в чем будет, с соизволения Аллаха, наше освобождение».

И вот везирь, отец Шахразды, привел ее к царю, и царь, увидя его, обрадовался и спросил: «Доставил ли ты то, что мне нужно?»

И везирь сказал: «Да!»

И Шахрияр захотел взять Шахразду, но она заплакала; и тогда он спросил ее: «Что с тобой?»

Шахразда сказала: «О царь, у меня есть маленькая сестра, и я хочу с ней проститься».

И царь послал тогда за Дуньязадой, и она пришла к сестре, обняла ее и села на полу возле ложа. И тогда Шахрияр овладел Шахразадой, а потом они стали беседовать; и младшая сестра сказала Шах-разаде: «Заклинаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи».

«С любовью и охотой, если разрешит мне безупречный царь», — ответила Шахразада.

И, услышав эти слова, царь, мучавшийся бессонницей, обрадовался, что послушает рассказ, и позволил.

